

УДК 930.1 (571.1/.5)

ББК 63.1 (2)5

Отечественная историография сибирской одиссеи М.А. Бакунина (1857–1861 гг.): дискуссионный аспект

В.А. Должиков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Domestic Historiography of M.A. Bakunin's Siberian Odyssey (1857–1861): Debatable Aspects

V.A. Dolzhikov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлен обзор отечественной научно-биографической литературы, посвященной четырехлетнему периоду деятельности в Сибири во время общенационального кризиса конца 1850-х — начала 1860-х гг. русского оппозиционного политика и мыслителя мировой величины Михаила Бакунина. Цель исследования состоит в том, чтобы восстановить его реальное место в общественной жизни пореформенной России. Для этого необходимо критически переоценить и преодолеть мифы историографии советского времени, которые мешают последовательной реконструкции событийного фона и контекста сибирской одиссеи Бакунина. В частности, опровергается миф о том, что в этот период М.А. Бакунин якобы находился в самоизоляции, причем добровольно отказался от любой общественной деятельности. Отмечен сомнительный характер происхождения этой версии, впервые сформулированной главным политическим оппонентом Бакунина в России — М.Н. Катковым, идеологом имперского охранительного консерватизма. Парадоксальным образом легенда была унаследована большевистской официальной историографией и в публикациях советского времени за редкими исключениями продолжала воспроизводиться до конца господства коммунистического режима.

Автор предлагает, во-первых, кардинально пересмотреть закрепившуюся в литературе схему историографического освещения «сибириады» Бакунина и, во-вторых, переадресовать авторскую принадлежность некоторых памятников агитационной публицистики 1860–1861 гг., в том числе знаменитого «Письма» в редакцию «Колокола» (1860) с призывом «к топору». На основе текстологического контент-анализа лексики этого послания из Сибири формулируется вывод о том, что его настоящим автором в то время мог быть лишь самый близкий соратник Герцена и Огарева — Михаил Бакунин.

Ключевые слова: Михаил Бакунин, историография, Сибирь, общенациональный кризис, «Колокол», публицистика, призыв «к топору».

The article presents an overview of the domestic scientific and biographical literature devoted to the four-year period of activity in Siberia of the Russian opposition politician and thinker of world magnitude Mikhail Bakunin during the national crisis of the late 1850s — early 1860s. The purpose of the study is to restore its real place in the public life of post-reform Russia. For this, it is necessary, as the author believes, to critically overestimate and overcome the myths of the Soviet-era historiography, which hinder the consistent reconstruction of the event background and the context of the Siberian odyssey of Bakunin. In particular, the myth is refuted that during this period the great rebel allegedly was in self-isolation, and voluntarily refused from any social activity. The author notes the doubtful nature of the origin of this version that was first formulated by M.N. Katkov, who was Bakunin's main political opponent in Russia and the ideologue of imperial conservation conservatism. Paradoxically, the legend was inherited by the Bolshevik semi-official historiography and continued to reproduce until the end of the dominance of the communist regime in Soviet-era publications with rare exceptions. Therefore, the author proposes, firstly, to radically revise the scheme of historiographical coverage of the "Siberian" Bakunin that has become fixed in the literature and, secondly, to redirect the author's identity to some of the monuments of agitational journalism of 1860–1861, including the famous "Letter" to the editor of the "Kolokol" magazine (1860) with the call to arms. Based on the textological content analysis of the vocabulary of this message from Siberia, the author formulates the conclusion that at that time only the closest ally of Herzen and Ogarev, Mikhail Bakunin, could be its real author.

Key words: Mikhail Bakunin, historiography, Siberia, national crisis, "Kolokol", journalism, call to arms.

DOI 10.14258/izvasu(2019)3-09

Наряду со многими выдающимися соотечественниками Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) занимает достойное место в истории. Его идеи как «одного из самых ярких политических мыслителей Европы второй половины XIX века», по оценке современного автора, «были в известном смысле взлетом мировой политической мысли о свободе» [1, с. 93]. Тем не менее достижения этого русского интеллектуала недооцениваются до сих пор отечественной историографией. Авторы продолжают отводить ему второстепенную персональную нишу одного из идеологов анархизма и народничества 1870-х гг. При этом игнорируются реальные масштабы личности М.А. Бакунина, который все-таки был политическим деятелем первой, мировой величины.

Крайне редко принимается к сведению богатый опыт, накопленный им за годы тюремно-сибирской одиссеи (1851–1861). Научная актуальность историографического исследования проблематики данного периода обусловлена тем, что в имеющейся литературе не увязано хронологически четкое совпадение начинавшейся «весны освобождения» с внесудебной депортацией оппозиционного политика в Сибирь (март 1857 г.). «Бакунина никто не судил, и если, с точки зрения правительства, и были за ним грехи, — справедливо заметил Г.Н. Вырубов, — так они совершались вне пределов России, и он за них во всяком случае щедро расплатился десятью годами тюремного заключения» [2, с. 51]. Собственно и сама «оттепель» 1850–1860-х гг. как циклически повторяющийся феномен отечественной истории никак не представлена в научных публикациях. Игнорируется и конспиративный характер личной стратегии действий Бакунина в этот сложный период. Наконец, вне поля зрения большинства современных биографов Бакунина оказались мотивы его бегства за границу от будущих «заморожков» и новой волны репрессий, с неизбежностью замыкающих финал каждой из кратковременных российских «оттепелей». Поэтому неслучайно период политической деятельности М.А. Бакунина, который предшествовал его повторному выдвижению на роль одного из самых влиятельных лидеров международного леворадикального движения после бегства из России в 1861 г., оставался в советское время наименее изученным [3, с. 296]. Но и в постсоветский период в этом отношении мало что изменилось. Сегодня по-прежнему Бакунин остается персоной нон гра-та для официозной историографии, о чем свидетельствуют лакуны в специальной литературе [4; 5]. Сибирской одиссее Бакунина 1857–1861 гг. авторы уделяют внимание лишь отчасти, рассматривая ее вне рамок исторического контекста эпохи «оттепели» как непосредственное продолжение тюремной изоляции. А поскольку его статусная роль в политической истории России вообще всегда принижа-

лась, постольку и весь событийный фон этого периода искажается.

Появлению вышеназванного пробела в отечественной историографии способствовал миф о том, что в сибирский период жизни Бакунин якобы самоустранился от всякой общественной деятельности. Впервые данная версия была сформулирована еще М.Н. Катковым. В Сибири «вождь революционной партии», по его мнению, жил «не только без нужды, но и в избытке, ничего не делал и читал французские романы, но на серьезный труд, хотя бы малый, его не хватало» [6]. В 1920-е гг. В.П. Полонский заново ввел этот миф в научный оборот [7]. Правда, уже тогда сомнения по поводу данной версии высказывали Б.П. Козьмин, Б.Г. Кубалов, М.К. Лемке и некоторые другие авторы [8, с. 69–70; 9, с. 128–129; 10, с. 152, 163; 11, с. 199–200].

В последние годы советского периода исследователи уклонялись от освещения этой малоизученной проблемы. Так, В.Г. Графский и М.И. Михайлов отводили ей в своих публикациях буквально две-три строки. Для наглядности процитирую фрагмент одной из работ: «В 1857 году Бакунина направляют (?) на вечное поселение в Сибирь, откуда ему через четыре года удается бежать...» [12, с. 17]. Еще более лаконичен Михайлов, который ссылаясь на то, что «годы сибирской ссылки (1857–1861) описаны во всех подробностях в трудах Полонского, Стеклова, Пирумовой» [13, с. 171]. Однако при близком знакомстве с работами данных авторов подобная оценка не подтверждается. Сибирскую одиссею 1857–1861 гг. вышеперечисленные биографы М.А. Бакунина освещали крайне поверхностно. Подводя в 1933 г. итог своим исследованиям, Полонский, например, признавал, что этот период жизни и деятельности Бакунина остался для него «наиболее темным» [14, с. 44; 15, с. 497]. Подобный финал в изучении темы столичными историками большевистского толка представляется вполне закономерным, поскольку они не располагали материалами регионального происхождения. А без них понять специфику деятельности сибирского изгнанника было бы крайне трудно.

Характерно, что в работах Н.М. Пирумовой воспроизводился (притом не в полном объеме) тот же самый уровень понимания реалий сибирской одиссеи, на котором остановились ее предшественники по историографии. Неудивительно, что творческие искания М.А. Бакунина периода «оттепели» освещаются в крайне упрощенном виде. «Идейная жизнь его замерла на уровне 1849 г., — утверждает исследовательница, — а все устремления были направлены на то, чтобы любой ценой освободиться от ссылки» [16, с. 114]. Замечу, что подобная двенадцатилетняя задержка в идейной эволюции динамичного и экспансивного русского мыслителя вряд ли могла иметь

место в переломный момент политической истории. По-видимому, сама природа идеологического творчества такова, что воззрения того или иного представителя общественной мысли должны меняться даже при самых неблагоприятных условиях. Другое дело, в какую сторону политические взгляды М.А. Бакунина в то время эволюционировали: «влево», «вправо» или ближе к «центру»? Возможны в этом случае и какие-то комбинированные варианты.

Скорее всего, на наш взгляд, Н.М. Пирумова искренне заблуждалась относительно паузы в «идейной жизни» Бакунина на фоне заметного подъема общественной активности в пореформенной России. Не была тогда исключением из правила и восточная ее половина. «Народ поднял голову, веселый, энергичный, он верил в будущее с надеждой на правительство, — вспоминает об этом времени Н.П. Пестерев, — он готов был идти по пути прогресса, забыв свою вековую лень, апатию, и едва ли где больше сочувствовали новому, как в Сибири. Такое настроение замечалось во всех слоях общества» [17, л. 109]. Под благотворным влиянием «весны освобождения» и ряда сопутствующих ей факторов лидерский потенциал М.А. Бакунина должен был, что логично, активизироваться.

Поскольку наличие восходящей и притом позитивной эволюции мыслителя биографами полностью отрицалось, постольку в его персональной идеологии нарочно выискивались признаки регресса или однолинейного поворота «вправо». В действительности же собственные программные установки М.А. Бакунина были всегда многомерными. Притом они варьировались в соответствии с изменениями, происходившими в российском и мировом политическом процессе. Связь такой вариативной трансформации с отечественным событийным фоном по преимуществу и должна в особой степени фиксироваться на изломе «оттепели», в 1861–1862 гг. В идейном смысле по целому ряду объективных причин так называемый сибирский период был, считаю, наиболее продуктивным в жизни мыслителя. Следовательно, в отечественной историографии не освещен самый важный аспект идейной трансформации Бакунина, состоявшейся на кризисном переломе 1850–1860-х гг. под влиянием «сибирского фактора».

В.П. Полонский, Ю.М. Стеклов, Н.М. Пирумова и другие известные биографы Бакунина при всех расхождениях концептуально сходятся в трактовке главного вопроса. Его жизнь и деятельность так называемого сибирского периода исследователи рассматривали вне контекста общерусской истории. При таком европоцентристском подходе к реалиям Сибирь фактически противопоставляется России. Во многих отношениях эта дихотомия некорректна

(подробнее см.: [18, с. 37–47]). Кроме всего прочего, такой подход искусственно принижает реальную роль в истории целой группы видных деятелей общерусского демократического движения 1860-х гг., идейно связанных с Бакуниным и являвшихся коренными сибиряками (Г.Н. Потанин, И.Я. Орлов, И.А. Худяков и др.).

В связи с этой сюжетной линией особый интерес представляет литературная интерпретация проблемы взаимоотношений М.А. Бакунина с молодыми представителями демократической интеллигенции Сибири (Г.Н. Потаниным, С.С. Шашковым, Н.С. Щукиным, Н.М. Ядринцевым и др.), которые позднее основали региональное общественное движение так называемых областников. Контакты с ними четко соотносятся с периодом ссылки Бакунина (1857–1861 гг.). При этом генезис идеологии данного ответвления общерусской народнической мысли, по оценке современных исследователей, также приходится на переломный рубеж 50–60-х гг. XIX в. [19; 20]. Столь знаменательное синхронное совпадение косвенно также указывает на причастность будущего лидера народников и к генезису раннего сибирского областничества.

Тем не менее и этот сюжет в литературе, посвященной Бакунину, освещен очень поверхностно [19, с. 23, 27; 20, с. 77–79]. «...Его влияние здесь — по оценке Н.М. Пирумовой, — было минимальным. Скорее можно говорить о значении для него самого областнических идей» [21, с. 77]. Получается так, что автор весьма популярного лозунга Соединенных Штатов Европы (международный конгресс Лиги Мира и Свободы 1867 г.) своими федералистскими убеждениями чуть ли не обязан малоопытным юным сибирякам!?

Преуменьшая степень влияния М.А. Бакунина на будущих лидеров сибирского областничества, многие авторы выводили его вместе с последователями за рамки стандартного перечня главных действующих лиц переломной эпохи 1850–1860-х гг. с определенной целью. Таким приемом искусственно создавался эффект мнимого отсутствия в России «революционера № 1» во время «первой революционной ситуации». Получается, что в самый ответственный момент генезиса идеологии раннего народничества и областничества как региональной его разновидности Бакунин якобы выпал из национального политического процесса.

Если же допустить, что в 1857–1861 гг. М.А. Бакунин был политически активен, то где же в историографии зафиксированы в таком случае плоды его идейно-наставнической деятельности? Логичным представляется следующий ответ: использовавшаяся по отношению к нему «фигура умолчания» служила, вероятнее всего, фиктивным прикрытием для недобросовестной пере-

адресовки результатов его действий другим лицам, активно проявлявшим себя в рамках той же эпохи, но в ином качестве. Действительно, на банальное приписывание результатов практической деятельности Бакунина тех лет самым близким его друзьям-сподвижникам — Герцену и Огареву — в свое время обращали внимание В.А. Китаев и В.В. Пугачев [22, с. 516; 23, с. 43–44, 48].

Для того, чтобы создать историографическую иллюзию наличия в России 1850–1860-х гг. влиятельной группировки «революционных демократов», А.И. Герцену, Н.П. Огареву, Н.Г. Чернышевскому, а также некоторым другим лицам и придавался не свойственный им крайний радикализм. Говоря словами А.А. Блока, исследователи, входившие в известную «научную школу академика Нечкиной», как бы «заняли огня» у «пламенного революционера» той эпохи, которым, что бесспорно, являлся как раз Бакунин [24].

Вместе с тем произвольное удаление «революционера № 1» из контекста «революционной ситуации» повлекло за собой коллизию неразрешимости ряда дискуссионных историографических проблем. Среди них — вопрос об авторской принадлежности знаменитого «призыва к топору» («Письмо из провинции» в «Колоколе», 1860 г.) и агитационного воззвания «К народу» («Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», 1861 г.). Оба документа обычно приписывались Н.Г. Чернышевскому [25, с. 13, 120–159]. Но даже и в советский период лживая эта легенда у многих исследователей вызывала вполне обоснованные сомнения и протест [26–29].

Вопрос о том, кто же этот «Русский человек», потребовавший в 1860 г. от издателей «Колокола» призвать народ «к топору», не случайно до сих пор остается дискуссионным. Ибо столь бесцеремонное обращение к «властителям дум» того времени — А.И. Герцену и Н.П. Огареву — могло исходить лишь от очень уж близкого к ним общественного деятеля. И таким единственным в своем лице человеком в России был тогда, разумеется, М.А. Бакунин. Но для историографии прежних лет он как бы и не существовал, оставаясь «персоной нон грата».

В имеющейся отечественной исторической литературе среди возможных авторов обоих вышеназванных агитационных документов Бакунин даже не упоминается [25, с. 132–133, 308], хотя многие особенности авторского стиля этих сочинений определенно указывают на него. Пресловутый «крестьянский топор» фигурирует, например, в его «Ответе «Колоколу» 1860 г. «Страшна будет *русская революция*, — пишет он друзьям в Лондон, — а между тем поневоле ее *призывает*, ибо она одна в состоянии будет пробудить нас из этой гибельной летаргии к действительным страстям и к действительным интересам. Она вызовет и создаст, может быть, живых

людей, большая же часть нынешних известных людей годна только под *топор*. Таково мое убеждение» [30, с. 305–306, 364]. По свидетельству информированного современника, в публикации подобного рода шеф-редактор «Колокола» своему старому товарищу точно уж не мог отказать. «Правда мне — правда, — откровенно заявлял А.И. Герцен в беседе с сибиряком Н.А. Белоголовым, — но и Бакунин мне — Бакунин» [31, с. 627]. А вот, к примеру, Н.Г. Чернышевский «своим» для Герцена или Огарева никогда не был [32, с. 271].

Не случайно до сих пор игнорируется вполне доступный источник, в котором содержатся ключевые слова «*революция*», «*призыв*», «*топор*» и подобные, которые позволяют с помощью текстологического контент-анализа вполне достоверно идентифицировать реального автора «бунтовских» воззваний 1860–1861 гг. При этом «крестьянский топор» как яркую метафору, на мой взгляд, не следует понимать буквально. В ситуационном контексте 1860 г., когда заканчивалась подготовка бюрократией грабительской «великой реформы», она предназначалась вовсе не для крестьян, которых издатели эмигрантского «Колокола» и в глаза не видели. Это — сигнал, обращенный к дворянской элите, читавшей тогда лондонские издания регулярно. Автор текста, которым был, уверен, опальный аристократ М.А. Бакунин, всего лишь пытался приструнить сановно-чиновную родню. «Для вразумления нашего официального мира, — утверждал он в то время, — нужен другой страх — страх народа». Российская имперская власть, по его мнению, прозреет лишь тогда, «*когда блеснет топор*» [33, с. 1023].

Иной вариант «сибирской» биографии М.А. Бакунина, который является альтернативным по отношению к прежней ее версии, разработанной еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [34–35]: «Как показали новейшие исследования, — отмечала в 1992 г. Л.Г. Сухотина, — жизнь Бакунина в Томске (1857–1859 гг.) отнюдь не была отдохновением после нескольких лет бурной революционной активности и длительного заточения в прусской, австрийской и русской тюрьмах» [36, с. 68]. В последующих публикациях, включая монографии, сибирская одиссея Бакунина освещалась именно под таким углом зрения [37–39]. В результате мой авторский подход к теме был поддержан российскими и зарубежными коллегами [40, с. 167–184, 347; 41, с. 69, 408, 566, 581; 42, с. 81–90].

Итак, далеко не полный обзор ситуации, сложившейся в историографии сибирской одиссеи М.А. Бакунина к настоящему времени, свидетельствует о необходимости ее углубленного изучения с современных позиций. Необходимо наконец-то ввести персоналий великого бунтовщика в контекст общерусской политической истории 1850–1860-х гг.

полностью. Необходимой предпосылкой к решению этой проблемы должно стать, на мой взгляд, последовательное преодоление негативистских версий, мифов и стереотипов, превратившихся за долгие годы их функционирования в историографический факт.

Четырехлетний период сибирской одиссеи М.А. Бакунина не был, разумеется, временем рекреационного политического бездействия. В моих работах доказывается, что проведенное в Сибири время стало поворотным пунктом в мировоззренческой эволюции мыслителя. Вынужденное пребывание в Восточной России на кризисном переломе отечественной истории являлось для него своеобразным университетом социологического познания «секретов» национальной ментальности. Собственно из Русской Сибири был вывезен идейный багаж,

составивший основу новой, уже народнической программы М.А. Бакунина, которая в значительной степени определяла характер его деятельности в 1860–1870-е гг.

Добавлю, что вышеупомянутые публикации автора статьи обобщают результаты научных исследований, в которых приоритетной являлась региональная проблематика. Что же касается уточняющей характеристики места и роли оппозиционера № 1 в общерусском освободительном движении 1850–1860-х гг., то вопрос этот рассматривался в меньшей степени. Частично проведенная уже реконструкция так называемого сибирского периода, полагаю, может стать необходимым предварительным условием для последующего адекватного воссоздания многогранной роли М.А. Бакунина в политической истории России.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Дорога к свободе. М., 1994.
2. Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров) // Вестник Европы. 1913. № 2.
3. Дьяков В.А., Рудницкая Е.Л. Рукопись М.А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864 г.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974.
4. Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 1. М., 1996.
5. Ланцов С.А. Политическая история России : учебное пособие. СПб., 2009.
6. [Катков М.Н.]. Москва, 5 января // Московские ведомости. 1870. № 4. 6 янв.
7. Полонский В.П. Михаил Бакунин в эпоху сороковых–шестидесятых годов // Бакунин М.А. Исповедь. М., 1921. № 3.
8. Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. М., 1929.
9. Кубалов Б.Г. Страницы жизни М.А. Бакунина и его семьи в Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей гос. Иркут. ун-та. Вып. 5. Иркутск, 1923.
10. Лемке М. Крестьянские волнения 1855 года // Красная летопись. 1923. № 7.
11. Пушкин Б. М.А. Бакунин по отчетам III Отделения // Красный архив. 1923. № 3.
12. Графский В.Г. Бакунин. Из истории политических идей. М., 1985.
13. Михайлов М.И. Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. М., 1988.
14. Полонский В. Бакунин — якобинец // Вестник Коммунистической Академии. 1926. № 18.
15. Полонский В. Предисловие к письмам М.А. Бакунина М.Н. Каткову из Сибири // Материалы для биографии М. Бакунина. Т. II. М.; Л., 1933.
16. Пирумова Н.М. Бакунин в Сибири // Вопросы истории. 1986. № 9.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 95. Оп. 1. Д. 302. Ч. IV.
18. Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири : межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1986.
19. Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск, 1974.
20. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х годов XIX века. Новосибирск, 1989.
21. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990.
22. Пугачев В.В. Монография о «Земле и Воле» // Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. Ученые записки Горьковского ун-та. Серия историко-филологическая. Вып. 78. Горький, 1966.
23. Китаев В.А. Герцен и Бакунин накануне восстания 1863 г. в Польше // Ученые записки Горьковского ун-та. Серия историческая. Вып. 85. Горький, 1967.
24. Блок А.А. Михаил Александрович Бакунин // Собрание сочинений : в 6 т. М., 1971. Т. 5.
25. Новикова Н.Н., Клосс Б.М. Н.Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. Некоторые итоги и перспективы исследования. М., 1981.
26. Алексеев Н.А. Был ли Чернышевский автором прокламации «Барским крестьянам»? (Материалы к постановке вопроса) // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 5. Саратов, 1968.

27. Азанов В.И. К вопросу об авторе прокламации «Барским крестьянам» // Н.Г. Чернышевский. Вып. 6. Саратов, 1971.
28. Володин А.И. Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976.
29. Пантин И.К., Плимак Е.Г. «Эпоха 1861 года» в России (к методологии исследования) // Вопросы философии. 1979. № 10.
30. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. IV. М., 1935.
31. Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897.
32. Кошовенко А.Е. К вопросу о лондонской встрече Н.Г. Чернышевского с А.И. Герценом в 1859 г. и формуле «Кавелин в квадрате» // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960.
33. Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. Вып. V, № 122–123. 15 февр.
34. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь в эпоху первой революционной ситуации (1857–1861 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989.
35. Должиков В.А. «Сибирский» фактор в эволюции политических воззрений М.А. Бакунина // Вопросы политической истории и политологии : сборник научных статей. Барнаул, 1992.
36. Сухотина Л.Г. К истории революционно-демократической ссылки в Томске // Проблемы общественно-политической жизни Сибири XIX в. : сборник научных статей. Барнаул, 1992.
37. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). Новосибирск, 1993.
38. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2000.
39. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2018.
40. Демин В.Н. Сибирский Прометей // Демин В.Н. Бакунин. М., 2008.
41. Kamiński A. Michał Bakunin: życie i myśl. T. I. Wrocław, 2012.
42. Подшивалов И.Ю. Сибириада Михаила Бакунина // Подшивалов И.Ю. Анархия в Сибири. М., 2015.